

Анастасия Цветаева

*невозвратные
дали*

дневники путешествий

Письма и дневники

Анастасия Цветаева

**Невозвратные дали.
Дневники путешествий**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Цветаева А. И.

Невозвратные дали. Дневники путешествий / А. И. Цветаева —
«Издательство АСТ», 2018 — (Письма и дневники)

ISBN 978-5-17-098202-8

Среди многогранного литературного наследия Анастасии Ивановны Цветаевой (1894–1993) из ее автобиографической прозы выделяются дневниковые очерки путешествий по Крыму, Эстонии, Голландии... Она писала их в последние годы жизни. В этих очерках Цветаева обращает пристальное внимание на встреченных ею людей, окружающую обстановку, интерьер или пейзаж. В ее памяти возникают стихи сестры Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, вспоминаются лица, события и даты глубокого прошлого, уводящие в раннее детство, юность, молодость. Она обладала удивительным даром все происходящее с ней, любые впечатления «фотографировать» пером, оттого повествование ее яркое, самобытное, живое. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098202-8

© Цветаева А. И., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Путешествия младшей Цветаевой,	6
История одного путешествия[10]	12
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анастасия Цветаева

Невозвратные дали Дневники путешествий

Серия «Письма и дневники»

Дизайн серии Ивана Ковригина

Составление, предисловие Станислава Айдиняна

Комментарии к очерку «История одного путешествия» Глеба Васильева, Галины Никитиной и Дмитрия Лосева, к остальным текстам книги – Ст. Айдиняна

Фото автора на переплете работы Л. Попова

В оформлении книги использованы фотографии из архивов Ст. Айдиняна, А. Гусева, Л. Мнухина, А. Ханакова и РИА Новости

Издание подготовлено при участии О. А. Трухачевой

© А. И. Цветаева (наследники), 2018

© Ст. А. Айдинян, составление, предисловие, комментарии, 2018

© Г. К. Васильев, комментарии, 2018

© Д. А. Лосев, комментарии, 2018

© Г. Я. Никитина, комментарии, 2018

© РИА Новости

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Путешествия младшей Цветаевой, Цветаевой последней...

Анастасия Ивановна Цветаева в русской литературе – настоящий классик мемуарного жанра. Жанр этот в Европе и у нас в России очень обширен. Сколько мемуаров оставили после себя люди, жившие в XIX и XX столетиях, сколько легло на страницы прозы прожитых жизней...

«Воспоминания» Анастасии Ивановны, появившиеся первоначально небольшим фрагментом в журнале «Новый мир», сразу же обратили на себя внимание необычайным литературным, несколько импрессионистическим стилем, где чувства, картины, лица, события настолько пропущены через свое восприятие, настолько оживают под пером, что кажется, они написаны «пылью растертых слов...»¹ В предисловии к двухтомнику своих «Воспоминаний» А. Цветаева писала: «Мои воспоминания – это семейная хроника. В моей памяти равное место занимают все мои близкие – отец, мать, моя сестра Марина и все, кто пришли позднее...»

Почти все наследие писательницы имеет автобиографический характер – и ее известный роман «Апог», служащий фактически продолжением воспоминаний, и ее многочисленные очерки, посвященные встречам и общению с друзьями-писателями, и ее повести, и книга о *яснослышащем* звонаре – все это взято ею из собственной жизни. Исключение составляют отдельно изданные три сказки – то, что осталось от арестованного и пропавшего в недрах НКВД целого рукописного тома сказок. Но даже и там «Сказка о девочках-великанах» все равно имеет биографические черты. И стихи Анастасии Ивановны в подавляющем большинстве своем столь же биографичны, как и ее разнообразная проза, начатая ею некогда детским, потом юношеским дневником, из которого в 1915 и 1916 годах родились ее первые книги: «Королевские размышления» и «Дым, дым и дым». Этот автобиографизм А. Цветаевой говорит прежде всего о ее честности перед собой, перед миром и перед Богом, без веры в которого немислима ее жизнь, полная трагедий и испытаний.

Особой колеей творчества А. И. Цветаевой видятся ее путешествия – тексты, конечно, также автобиографические. Путешествием поневоле можно посчитать и ее повесть «Моя Сибирь», где описаны годы в сибирской сталинской ссылке после окончания срока в тюрьмах и лагерях. И здесь она пишет о близких ей людях, о сыне, о двух внуках – Рите и Оле, о ссыльных односельчанах, товарищах по несчастью. Сильнейшая часть повести – рассказы о животных: о кошках, собаках, о братьях наших меньших. Когда эти рассказы появились отдельно в «Юности», в те годы популярнейшем в стране литературном журнале, пришли отклики от читателей, и их было так много, как ни на одну ее публикацию.

«Историю одного путешествия» Анастасия Ивановна очень не хотела публиковать при жизни, больно уж тонкой, болезненной для нее темы касался этот текст. В 1971 году она поехала в Крым и там, в доме Максимилиана Волошина, у его вдовы Марии Степановны, познакомилась с молодым поэтом Валерием Исаянцем, приехавшим в Коктебель из Воронежа. Она увлеклась, при всей ее взыскательности, некоторыми его стихами и самим поэтическим обликом Валерия. Однако по мере более близкого знакомства начались у них «расхождения». За ее плечами были – традиции старого воспитания, дореволюционная культура, предполагавшая в друге душевную чуткость. А юный друг ее был довольно эгоистичен, часто исходил из своих собственных интересов – то его тянуло к дружбе с яркой, сильной личностью, «с сестрой Марины Цветаевой», то его отбрасывала от нее ее же требовательность!.. Тем более что

¹ Так сказала Анастасия Цветаева про поэму «Молодец» своей сестры, Марины Цветаевой, которую та перевела на французский язык.

Анастасия Ивановна воспринимала Валерия, при всей увлеченности, *по-матерински* и была порой очень требовательна в своей опеке. Не каждый молодой человек выдержит подобное. Знающим творчество А. И. Цветаевой эта ситуация сразу напомнит тональность взаимоотношений героев романа «Амог» – и там героиня Ника, так обозначила себя в автобиографическом романе Анастасия Ивановна, пытается вовлечь в сферу своей материнской опеки главного героя, Морица². У него был реальный прототип, встреченный ею в лагере, – Арсений Этчин, у него она работала в сметно-проектном бюро. Пыталась его «приручить», изменить к лучшему, заставить подумать о собственном здоровье, меньше курить. Это и есть самая трагичная и очень распространенная ошибка женщин – стремящихся завоевать человека, а потом его *изменить*. Однако в этом случае очень часто насильственно изменяемый отказывается меняться.

Правда, при создании романа «Амог» Анастасия Ивановна намеренно, для усиления психологического эффекта, «нагнетала» свое любовное чувство, обращенное к Морицу: «Я специально накачивала это чувство в романе, чтобы создать полюса взаимоотношения психологий – мужской и женской», – говорила она.

А в «Истории одного путешествия» дело доходило у героини даже до нервных срывов, до плача. Вот почему Анастасия Ивановна не хотела при жизни делиться с читателями этим текстом. Он ведь местами исповедален очень горькой искренностью. Это действительно было сильное увлечение. Но своим «последним земным очарованием в 78 лет», своей последней земной любовью она назовет потом поэта и переводчика Алексея Шадрина, также встреченного в Доме поэта в Коктебеле. О нем она кратко рассказала в очерке «Зимний старческий Коктебель».

Не скроем, что герой очерковой повести «История одного путешествия» был на момент встречи с Анастасией Ивановной душевно болен; потом в его судьбе будут и психиатрические больницы, и скитания без определенного места жительства – настоящий синдром бродяжничества. Но это в полной мере проявится позже. Тогда же были только первые «всполохи», впоследствии настолько пугавшие Анастасию Ивановну, что она опасалась оставаться с Валерием наедине. А в начале 1990-х, когда состояние нищего, бездомного поэта намного усугубилось, посылал он ей довольно бессмысленные телеграммы угрожающего содержания с требованием денег. В 1980-х годах он уже очень редко навещал Анастасию Ивановну, приезжая в Москву, но вел себя мирно, «чудил», конечно, но не чрезмерно.

По последним доходившим сведениям мы знаем, что В. Исаянц появлялся в Воронеже, там клуб местных поэтов принял в его судьбе участие, добрые люди помогли выпустить в известном издательстве «Водолей» книгу Валерия под названием «Пейзажи инобытия». Известно также, что поэт продолжает скитаться по электричкам и лесам под Воронежем.

О том крымском путешествии сохранился и небольшой фрагмент очерка самого Валерия Исаянца, который называется «Незабываемый день»³. Из этого текста узнаём, что в Феодосию на поиски дома, где жила Анастасия Ивановна в 1921 году, они с В. Исаянцем отправились 12 октября. Рассказывая о писательнице, Валерий пишет: «Меня поразила в Анастасии Ивановне ее тишина, в глубине которой, как в глубине глаз, звезд, предметов, в глубине ее неповторимой речи складывалось что-то доброе, яркое, не соотнесенное ни с чем в окружении. И ее чуткость на каждую подлинную интонацию, ее безграничная доверчивость этой интонации стиха или слова... Она спрашивала у меня стихи, она, сама стиховая, творческая природа, и ранее, чем я успевал переписывать бесконечные “Пролетки” или “Игру берез”, переписывала мне своим неповторимым почерком забытые стихи Марины и свои...»⁴

² ...Мориц... – Персонаж автобиографического романа А. Цветаевой «Амог». Его прототип Арсений Аркадьевич Этчин (1902–1946) – инженер-строитель. Сначала с 1937 г. по политической статье отбывал срок, позже работал вольнонаемным в Нижне-Амурском лагере, где была в заключении А. Цветаева.

³ См. в книге: Последний луч Серебряного века. Воспоминания об Анастасии Цветаевой. М., 2010. С. 374–377.

⁴ Там же. С. 376.

«Зимний старческий Коктебель» – это иное краткое путешествие, оно посвящено поездке в Крым в 1988 году. Прошли годы со времени того крымского путешествия 1971 года. Спутником Анастасии Ивановны теперь был врач, Юрий Ильич Гурфинкель⁵. Познакомился он с Анастасией Ивановной в 1977 году, когда в мае она попала в больницу. Оценив Юрия Ильича и как опытного врача, и как писателя-прозаика, она подружилась с ним, и он стал ее непременным советчиком и другом, навещавшим писательницу почти до последних дней ее долгой жизни. Он тоже оставил литературные воспоминания о совместных с Анастасией Ивановной путешествиях. Они называются «Анастасия»⁶ и делятся на два очерка – «Коктебель» и «Голландия».

В первом из очерков Юрия Ильича есть такое наблюдение: «А вскоре “Юность” напечатала рассказ Анастасии Ивановны “Зимний старческий Коктебель” – путевой очерк об этой поездке... На многих произвела впечатление ее смелость – в таком возрасте отправиться в столь неблизкие края. Но еще больше читавших восхитила свежесть восприятия, внутренняя свобода, с которой эта вещь была написана. Теперь имя Анастасии Ивановны уже не замалчивалось. “Литературная газета”, например, посвятила целый подвал разбору художественных достоинств рассказа. У меня же он вызвал чувство, какое бывает, когда стоишь за спиной художника, преобразующего увиденное в пейзаж на полотне. Точность рисунка, мазок за мазком... Небо и пространство, люди и деревья волшебным образом оживлены, и кажется, это всегда будет существовать, хотя уже темнеет, многие разошлись по домам и совсем по-другому легли тени деревьев»⁷.

«В зимнем старческом Коктебеле» мы наблюдаем всё ту же материнскую заботу «лирической героини», от лица которой ведется повествование, обращенное к ее спутнику. Но она, эта забота, куда менее настойчива и отмечена, может быть, большим уважением. Не любовным, а дружеским чувством... Тот же мотив, но намного слабее, выражен в очерке, посвященном путешествию с Юрием Ильичом в Голландию.

Оба очерка (это именно очерки, не рассказы) писались «синхронно событиям»; наверное, оттого особенно слышен тон исповедальной откровенности, свойственный Анастасии Ивановне со времен еще ее первых, основанных на дневниках книг. Писательница обращает пристальное душевное внимание на встреченных и в горести и в радости людей, на окружающий их интерьер или пейзаж. И тут же из ее памяти возникают стихи сестры Марины, Мандельштама, вспоминаются лица, события, даты глубочайшего прошлого – реминисценции к раннему детству, юности. Анастасия Ивановна – при полной свободе своего пера – вспоминает, по ходу действия, множество имен. Для нее в жизни многое – важно!.. На память приходит эпизод из ее «Воспоминаний»: старшая сестра Марина говорит о том, что нужно пригласить фотографа, чтобы он снял покончившего с собой студента Бориса Бобылева. При этом она произносит пронзительные слова: надо его запомнить, «не упустить – туда». Так и Анастасия Ивановна свою жизнь, свои встречи «фотографировала» тонким пером, и жизнь оставалась в сетях ее строк – живой. Совершенно по-другому, хотя и так же *дневниково*, написан очерк Анастасии Ивановны «Моя Эстония». Более двадцати лет Анастасия Ивановна, избегая жары летней Москвы, ездила в Эстонию, в Кясму. Там снимала скромное жилье – комнату с террасой, ходила на прогулки через лес к морю, к берегу Финского залива. В этих поездках для нее особенно важно было посещение женского монастыря в Пюхтице, в котором она неизменно

⁵ Гурфинкель Юрий Ильич (р.1941) – доктор медицинских наук. Член-корреспондент Российской академии естественных наук с 2004 года. Живет в Москве. Руководитель отдела метеопатологии, лаборатории микроциркуляции и эндотелиальной функции в Научном клиническом центре ОАО РЖД. Автор свыше 150 научных публикаций, включая монографию «Ишемическая болезнь сердца и солнечная активность» (2004). См.: Гурфинкель Ю. Анастасия (Коктебель, Голландия) / Дружба народов. 1998. № 9. А также Гурфинкель Ю. Подземная река (Беседы с Анастасией Цветаевой) / Октябрь. 2008. № 8.

⁶ Очерк публиковался в журнале «Дружба народов» (1998, № 9), а потом и в сборнике «Последний луч Серебряного века».

⁷ См. «Последний луч...». С. 498.

окуналась в холодный святой источник. Однажды Анастасия Ивановна приехала в монастырь не летом, а зимой – на Рождество. Свое посещение позднее она описала в маленьком очерке, названном «Монастырский источник». В нем писательница приводит один характерный эпизод, изложенный ею несколько иначе, чем в «Моей Эстонии». Когда писались эти строки, Анастасии Ивановне было около ста лет...

«...После обеда я подошла к Игуменье, прося ее благословения.

– Матушка, разрешите ли вы мне зимой окунуться? Мне идет восьмидесятый год.

– С верой? Конечно! – ответила Игуменья. – Наши женщины каждый день купаются.

Смотрите: седеет вас, – а такие розовые...

Я обрадовалась и пошла в купальню с обеими спутницами – хотя они окунуться не собирались. Стоя над черной водой, уже раздетая, я себя спросила:

– Ведь ты простужена? И зимой окунаешься – впервые... и матушке об этом не сказала...

И ответила себе:

– Но ты веришь, что вода эта – не простая?

И ответила: “Верю...”

– Тогда в чем же дело? – Лезь...

Я стала спускаться по лестнице. Нет, не холоднее была вода, чем летом!

Думаю, что показалась даже теплее из-за контраста, летом в жару большего. Но что весело мне, когда я вылезла из воды, три раза во имя Отца и Сына и Святого Духа окунувшись, – это то, что не было и следа от простуды: точно вынули из меня занозу – и все»⁸.

Жизнь для Анастасии Ивановны всегда была открыта небольшим чудесам. Важно верить, и чудо придет к тебе, неслышно подступит к изголовью. Эту веру всю жизнь несла в себе Цветаева младшая, Цветаева последняя...

Сохранилась подписанная Анастасией Ивановной машинописная копия ее письма – «В редколлегию журнала “Юность”». Приведем полностью его текст: «Я давний автор вашего журнала – в “Юности” выходили мои “Невероятные были” и мой “Зимний старческий Коктебель”. Мне 99 лет, и потому очевидна моя просьба: быстрее продвинуть в печать – в ближайшие номера – мой очерк, посвященный моему прошлогоднему путешествию в Голландию. Храни вас Бог! Анастасия Цветаева 30. VI 93 г. Переделкино».

Несмотря на высоко стоявшее имя Анастасии Ивановны, на то, что ее нередко показывали по телевидению, несмотря на огромную популярность в последние советские годы как поэтического, так и прозаического наследия ее сестры Марины Цветаевой, ей годами приходилось ждать выпуска своих художественных произведений – больших и малых. В итоге очерк «Моя Голландия» был опубликован в сокращении в журнале «Юность» – посмертно, в 1993 году в № 9. В настоящем издании текст приводится в авторской редакции. Очерк «Моя Эстония» появился при жизни писательницы в таллинском журнале «Радуга» в 1991 году в №№ 1, 2, 3.

В 1920–30-е годы ее не печатали, очень редко могли выходить только ее переводы. А в новое время настали иные проблемы, среди которых – большие очереди на публикацию, да к тому же у каждого журнала был, как сегодня, свой постоянный круг авторов. Когда близился к выходу ее роман «Атог», редакция журнала «Москва» тоже длила и перекладывала сроки выпуска романа, написанного в сталинском лагере на папиросной бумаге и переданного через вольнонаемных работников на волю. Сохранилось трагичное, горестное письмо А. И. Цветаевой главному редактору журнала – эпистолярный документ неподражаемого человеческого накала. Он никогда не публиковался, и мы можем сегодня привести его целиком. Он по тональности напоминает письмо Анастасии Ивановны в «Юность» о выпуске «Моей Голландии». Читатель впервые получает возможность их сравнить:

⁸ Цветаева А. О чудесах и чудесном. М., 1991. С. 36.

М. Н. Алексееву

5. X.1989

Многоуважаемый Михаил Николаевич!

Благодарю Вас за поздравление Ваше, моего главного редактора, с моим 95-летием, за добрые, звучащие искренно Ваши слова. Я, ведь, не в 1-й, а в 3-й раз отдаю через Ваши руки – плод моих рук в печать. Но в 1-й раз, в 1977 году мне было 83 года, во 2-й раз, в 1981 г. – 87 лет. Ныне мне пошел 96-ой – вряд ли есть в «Москве» – автор меня старше.

Не задумывались ли Вы, все отсрочивая и откладывая начало моего «Амор», Вами похваленного, над моим небессмертием?

Не будет ли Вам человечески жаль, если не сойдутся даты конца романа и моего исчезновения с Земли?

Это письмо обращено не к деловой части Вашей деятельности, в которой Вам – виднее чем всем, кого раньше, кого – позже печатать. Я обращаюсь к сердцу Вашему, к образу и подобию Божьему, без сомнения греющему Вас каждый день: 50 лет ждал роман своего часа; был переработан для возможности прозвучать, наконец, – и неужели попал не в те руки, в более хладные, чем роману хотелось бы?

Напоминаю: и в 1-ю и во 2-ю нашу встречу Вам не пришлось пожалеть, что печатали данного автора. Чем я заслужила небрежение Вашего пера, меня поздравившего и похвалившего, но – без даты хотя бы начала публикации романа? Знай вы ее, Вы бы мне ее сообщили! Вы даты – не знаете? Но, однако, не к одному сердцу Вашему – обращаюсь. По-деловому имею Вам сообщить, Михаил Николаевич, что издательство «Современник» затребовало от меня копию моего романа, так как все сроки, Вами им обещанные для выпуска у них «Амор’а» – книгой, прошли, и, вчера это от них узнав, долгом считаю Вам сообщить это: не откладывайте более начало романа, прошу Вас – по-деловому. Есть пословица, что «Москва слезам не верит», и м.б., мое обращение к Вашему сердцу, с сообщением, что стала очень болеть в последний месяц, что все ближе подходит смерть – не прозвучит Вам?

Складываю оружие.

Жму Ваши хладные руки – последним теплом моих.

Да хранит Вас Бог!

АНАСТАСИЯ ЦВЕТАЕВА на 96-м году.

На это письмо М. Н. Алексеев, главный редактор «Москвы», ответил телеграммой. И роман увидел свет в 1990 году в №№ 2, 3, 4, 5. В 1991-м роман был опубликован и отдельной книгой в издательстве «Современник». Основным и более редакторски обработанным остался именно тот текст, который был выпущен «Москвой». Синяя книга «Современника» с ярким красным названием, куда вошла также повесть «Моя Сибирь», была очень быстро раскуплена, несмотря на большой тираж в 100 000 экземпляров...

В приложении к основному тексту настоящего издания к публикации подготовлено еще три текста Анастасии Цветаевой. Малый, цельный текст «Таруса» ранее публиковался в газете «Культура» 11 сентября 1993 года, вскоре после смерти Анастасии Ивановны, последовавшей 5 сентября. В нем миниатюрно, сжато, пунктирно автор дает представление о том, что было пережито в любимом городке на Оке в детстве и отрочестве. Очень кратко пишет она и о детских дружбах, и о смерти матери, Марии Александровны. Эти летние посещения-путешествия в Тарусе дали сестрам Цветаевым знание о русском народе, о его быте, укладе – все это наиболее полно и емко отражено в «Воспоминаниях» Анастасии Ивановны, в очерке «Хлыстовки» Марины Цветаевой, который в советские времена печатали под неавторским названием «Кирилловны», в нем – дух старины тарусской...

Следующее путешествие – во глубь родной отцу сестер М. и А. Цветаевых Владимирской губернии, описано в одном из самых поздних, 1992 года, текстов А. И. Цветаевой. Это

совсем малый, миниатюрный очерк «Александров». Именно оттуда, из Александровской слободы, некогда правил Русью Иван Грозный. В очерке – лишь основные факты пребывания в Александрове, то, что в конце жизни Анастасии Ивановны казалось наиболее важным. Недаром она заканчивает свою прозаико-биографическую миниатюру фразой – «Рада узнать, что снова действует там монастырь»⁹.

И третье произведение – малоизвестный очерк, посвященный Армении. Очерк написан во время одного из ее пребываний в подмосковном Переделкине, в Доме творчества. Она вспоминает о том, что связано в ее судьбе с Арменией... Вспоминает и Валерия Исаянца. Тут сделана успешная попытка в малом очерке дать обзор своего ощущения людей, восходящих происхождением к Армении. Получилось это тепло, по-цветаевски проникновенно, искренне и сочувственно. В конце текста речь идет о землетрясении 7 декабря 1988 года. Ее обращение «К Армении» было тогда спешно передано по телефону и опубликовано в ереванской центральной газете «Коммунист».

С тех пор прошло время, мы уже перешли в новое столетие, но то, что написано А. И. Цветаевой, не потеряло значения и сегодня, когда продолжают многомерные переключки городов, местностей, стран, литератур и культур...

Станислав Айдинян,

литературный секретарь и редактор А. Цветаевой (1984–1993)

⁹ ...*снова действует там монастырь...* – Успенский женский монастырь города Александрова. В 1923 году монастырь был закрыт, в 1991 возвращен церкви.

История одного путешествия¹⁰

Часть первая Крым, осень 1971-го¹¹

*Нет печали печальней,
Чем та, что из радости выросла...*
Тер-Акопян. Новогодняя баллада

Мой друг Женя¹² провожала меня до калитки...

Пять разноцветных кошек вились у ее ног. Цепная собака Нака рвалась – ласкаться. Темные, под еще темными и густыми бровями Женины глаза, молодые на уже старом лице сияли грустью прощанья. Вот уже девять лет мы все прощаемся, по нескольку раз в год, и в самую душу глядят эти расстающиеся, тоскующие глаза.

– Женечка, я же всего – на три дня! Посмотрю, что сейчас в Коктебеле¹³, можно ли нам к Марусе¹⁴ – и за тобой вернусь!

Обнялись. Бодрый шаг с кошелкой по крымской дороге – к автобусу.

Жене и мне Старый Крым – разное: ей – отдых, тепло, безветрие истощенному в вечных московских простудах телу, дружба с ласковыми старушками, мир. Мне – тяжелая память о когда-то тут бывшем в молодости – смерть первого мужа¹⁵ (тогда уже мужа другой¹⁶) – могила его потеряна, я перестала искать ее в приезды последних лет, крест давно сгнил – или сожгли в разруху, с тех пор – более 50-и лет... И дома найти не смогла, все перестроено...

В другой части городка – другая сгинувшая квартира, где я жила, счастливая, с человеком, в дом которого сама привела соперницу, полюбив ее за ее колдовскую, волшебную душу¹⁷...

Вечно жив вечер Троицы, сеном посыпанный коридор, через стеклянную стену его – луна и трепет березок... Это живо в сердце – как рай из детской Священной Истории, – и почти священные, по-грешному, те колдовские дни... Но вот уж конец города и автобус, и час, полтора – меж киммерийских холмов Максовых. В его дом еду, давно умершего друга, к его вдове...

Феодосия! Новая боль... Здесь, в когда-то любимом родном городе, от которого после войны с фашистами почти ни следа: заново отстроенные чужие улицы, как во сне ищешь знакомые повороты, ошибаешься, отчаиваешься... Года два назад я почти нашла свою – в 1913–14 гг. квартиру на Бульварной¹⁸, напротив Царского офицерского собрания, мы с Мариной в

¹⁰ Впервые: Цветаева А. История одного путешествия. 1971–1972 гг. Крым – Москва / Сост. и коммент. Г. Васильева, Д. Лосева, Г. Никитиной. Феодосия; М., 2004.

¹¹ Деление повести на части (в т. ч. эпилог) и их заглавия даны Г. К. Васильевым и Г. Я. Никитиной. – *Здесь и далее примеч. ред.*

¹² Женя – Кунина Евгения Филипповна (1898–1997) – поэт, переводчик. Близкий друг А. Цветаевой. См. о ней на с. 258.

¹³ Коктебель — в то время поселок официально именовался Планерское, однако старожилы по-прежнему называли его Коктебелем.

¹⁴ Маруся — Волошина Мария Степановна (1887–1976) – вдова М. А. Волошина. Близкий друг А. Цветаевой.

¹⁵ ...смерть первого мужа... – Первым мужем А. Цветаевой был Борис Сергеевич Трухачев (1892–1919).

¹⁶ ...мужа другой... – Речь идет о Марии Ивановне Кузнецовой-Гриневой (1895–1969) – артистке, писательнице, драматурге. Вторая жена Б. Трухачева. Близкий друг А. Цветаевой.

¹⁷ ...соперницу, полюбив ее за ее колдовскую, волшебную душу... – Астафьева Ольга Васильевна – подруга М. С. Волошиной по Петербургу. В романе А. Цветаевой «Апог» выведена под именем Анны Васильевны.

¹⁸ ...квартиру на Бульварной... – Речь идет о доме на углу улиц Бульварной (ныне ул. Десантников) и Военной (ныне ул. Вити Коробкова). Здесь, на доме № 13 по ул. В. Коробкова, 4 июня 1999 г. установлена мемориальная доска, посвященная

унисон там читали ее стихи «Генералам 12-го года»¹⁹, и никто не знал, что все нас слушавшие через полгода пойдут в бой – и погибнут – как те...

Да, четыре окна – два моих, окно детской, где рос годовалый сын, окно столовой. Сюда, в эту парадную дверь входил чудный, похожий на Зевса, Макс, я кончала купать Андрюшу, няня начинала его укачивать, а мы шли к морю, к молу и волнорезу, или в степь, и я рассказывала ему о своем расхождении с Борисом, и он всё понимал. Он был вдвое старше меня, но он видел мое пониманье и говорил мне о своей жене Марго²⁰, об их нефизическом браке, о том, как она ушла от него к человеку, иначе полюбленному²¹, как он отдал ее... Мы шли, и был ветер в степи, я шла с родным братом князя Мышкина, которого люди звали «Идиот»²², а над нами закатом и ветром легло вечернее небо –

И низко над холмом дрожащий серп Венеры,
Как пламя воздухом колеблемой свечи.²³

(М. А. Волошин)

Я обогнула узанный дом, в трепете сердца заглянула во двор, полуузнавая «черную лестницу» в ту квартиру – но передо мной вырос красноармеец у незамеченной мною проходной будки, и весь двор оказался в красноармейцах – как во сне... Автобус остановился, вернув меня к яви.

До автобуса в Коктебель – час²⁴. Я выхожу на бывшую Итальянскую²⁵ по узенькой Галерейной улице, огибаю дворец Айвазовского (где 51 год назад жил в доме бежавших за море друзей, потомков Айвазовского²⁶, Макс, читавший членам Ревкома свои стихи о Старой Руси и свой «Дом Поэта»²⁷) – и, замирая в счастье *Semper Idem*²⁸: во дворце, нерушимо пережившем фашизм, ядра с моря, не изменился даже цвет стен. Так же сидит в кресле памятника старый армянский художник²⁹, бакенбарды не дрогнули, как палитра и кисть в руке, породистый профиль чуть повернут к открытому морю. Человек, за морские картины получивший чин адмирала³⁰, неизменно сидит у своей галереи – и перед ним – это ли не Краса Судьбы! – свободно плещет море, как в те дни, когда он, царь Феодосии, провел своими казной и властью – феодосийскую железную дорогу!³¹ Обдуманно – или случайно – море перед его домом не

А. И. Цветаевой. С осени 2003 г. часть здания занимает Музей Марины и Анастасии Цветаевых.

¹⁹ ...стихи «Генералам 12-го года»... – Стихотворение написано в Феодосии 26 декабря 1913 г.; посвящено С. Я. Эфрону.

²⁰ ...говорил мне о своей жене Марго... – Сабашникова Маргарита Васильевна (Марго; 1882–1973) – художница, мемуарист.

²¹ ...она ушла от него к человеку, иначе полюбленному... – Речь идет о поэте Вячеславе Ивановиче Иванове.

²² ...я шла с родным братом князя Мышкина, которого люди звали «Идиот»... – Здесь имеется в виду М. А. Волошин.

²³ И низко над холмом дрожащий серп Венеры... – Две строки из стихотворения М. Волошина, начинающегося словами «Заката алого заржавели лучи», это 12-е стихотворение из цикла «Киммерийская весна» (1913).

²⁴ ...До автобуса в Коктебель – час... – В те годы междугородный автовокзал находился в центре города на ул. Назукина.

²⁵ ...бывшую Итальянскую... – Ныне ул. Горького.

²⁶ ...в доме бежавших за море друзей, потомков Айвазовского... – В доме Ивана Константиновича Айвазовского (уже тогда скончавшегося) и Анны Никитичны Айвазовской, в квартире уехавшей в эмиграцию семья Лампси, М. Волошин в нач. 1920-х останавливался и некоторое время жил, когда приезжал из Коктебеля.

²⁷ ...Макс, читавший членам Ревкома свои стихи... «Дом Поэта»... – Волошин не мог читать здесь в те годы стихотворение «Дом поэта», т. к. оно было написано лишь в 1926 г.

²⁸ ...*Semper Idem*... – Всегда то же самое (лат.).

²⁹ ...сидит в кресле памятника старый армянский художник... – Памятник работы скульптора И. Я. Гинцбурга.

³⁰ ...получивший чин адмирала... – Воинского звания «адмирал» у художника не было. Айвазовский был главным художником Морского штаба России и носил адмиралтейский мундир. Он имел звание действительного тайного советника, что соответствовало в Российской империи воинскому званию «генерал-полковник».

³¹ ...провел своими казной и властью – феодосийскую железную дорогу... – Точнее сказать – Айвазовский приложил энергию и усилия для осуществления этого крупного проекта – железнодорожной ветки из Джанкоя в Феодосию.

тронуты – перестройки, военные базы³², заторы идущему – все от него вправо и дале – но по самый угол дома, за рядом узловатых мощных тополей пирамидальных (в дни юности нашей они были юные, как мы...) волны синеют и зеленеют мощно, широко, как в старину, отвернув лицо свое от жиденького бульварчика со скамейками у каменного парапета – перешеек к закрытым воротам «баз», отнявших у жителей море...

И снова автобус, и снова дорога, и снова киммерийские холмы. Сколько можно было, я все оглядывалась назад вправо на исчезавший мыс у моря³³, где, отрезанные лучом солнца, горели генуэзские башни Каффы-Ардевды, родной Карантин³⁴, где я когда-то жила. По морю, вдали тихому, шла та знакомая <нрзб>, что означает перегиб дневного часа³⁵.

Я жду: почти год прошел с прощанья с ними – с тремя горами, душой Коктебеля, они появятся – за вон тем холмом... сейчас! И – торжественно, как каждое предчувствие и пророчество – они выплывают навстречу взгляду: правая – вся из темных острий, душа готики, обрезающая пики свои о небесную синеву (под этой горой могила моего младшего маленького сына, 54 года назад), Сюрю-Кая переходит в радугой поднятую Святую гору (где могила татарского праведника)³⁶, зеленую, кудрявую, бархатную. И, снижаясь у перевала – дает – левее – место и власть Карадагу, каменистому, коричневому, с короной уступов, крутых спусков, руша в море знакомую Максину голову-профиль, его каменную бороду³⁷ – длинным тонушим мысом... Легко – я тут *так* всегда молодею, хоть тут прожито столько горя... Но ведь я у Макса тут, на его трагической, почти священной Земле – легко взбегаю по лесенке приморского знакомого дома с двухвысотными полукруглыми окнами – по белой наружной лесенке, знакомой, как родной дом³⁸ – и вот мы уже обнимаемся, Маруся и я, не видевшись – год...

Марусе – 83, между нас – семь лет разницы. Мы знаем друг друга с 1919 года. Она подруга той колдовской женщины, которую я привела в свой дом...³⁹ Но это так далеко, так давно – для нее, как и мне. Глыбы прожитого увели и ее, и меня от тех дней. И тот друг мой давно, давно умер... Как и муж Маринин, и муж Маруси – наш друг Макс. Но его могила цела высоко на горе. Холм из камней, из них выложен крест⁴⁰. Внизу море и горы...

День проходит с Марусей. У нее обедаю. После обеда – и ночь тут буду – сплю все в том же, мне уже годы отведенном, углу проходной комнаты рядом с Марусиной (когда-то Пра, матери Макса⁴¹, тоже проходной – в мастерскую и к морю) под знакомыми портретами Макса, под фамильной иконой той моей и Марусиной Ольги⁴². Еще не заперта, по-осеннему, дверь

³² ...военные базы... – Охраняемые склады Феодосийского торгового и военного портов, сооружения железной дороги, а также других организаций.

³³ ...мыс у моря... – Имеется в виду мыс Ильи (мыс. Св. Ильи), замыкающий дугу Феодосийского залива.

³⁴ ...родной Карантин... – В старом районе, который горожане называют Карантин, в начале XIX в. был учрежден центральный карантин «для всех судов, приходящих в Черное море из стран, неблагополучных по заразным болезням, по преимуществу чуме и холере».

³⁵ ...что означает перегиб дневного часа... – А. И. Цветаева не раз говорила о некоей сероватой полосе, движущейся от горизонта по стихшему морю, которая, по ее наблюдению, отмечает наступивший полдень «внезапно, как перегиб стеклянной трубки, нагретой пламенем спиртовки».

³⁶ ...переходит в радугой поднятую Святую гору (где могила татарского праведника)... – Об этом повествует крымско-татарская легенда.

³⁷ ...знакомую Максину голову-профиль, его каменную бороду... – Имеется в виду обрыв горы Кок-Кая (крайний мыс, вдающийся в море за Коктебелем). Напоминает профиль М. Волошина. Это замечали многие гости Коктебеля еще с нач. 1910-х.

³⁸ ...знакомой, как родной дом... – Дом М. Волошина был построен летом 1903 г., позже производились пристройки.

³⁹ ...которую я привела в свой дом... – Имеется в виду Ольга Васильевна Астафьева.

⁴⁰ ...Холм из камней, из них выложен крест... – Волошин, скончавшийся 11 августа 1932 г., был похоронен 12 августа на вершине хребта Кучук-Янышар (согласно его завещанию).

⁴¹ ...Пра, матери Макса... – Пра – прозвище Елены Оттобальдовны Кириенко-Волошиной (1850–1923) – матери М. А. Волошина.

⁴² ...под фамильной иконой той моей и Марусиной Ольги... – В день сороковин по кончине Марии Степановны, 25 января 1977 г., у Толстых собрались друзья Дома Поэта. И в их числе – А. И. Цветаева. «В углу детской, не в Красном углу, а у двери

на угловую террасу к виноградом заросшей стене, с нее – крутой лесенкой – вниз, в маслины, кусты, деревья; справа – море, его шум. В этой комнате ночь до похорон стоял гробик Алешин, 54 года назад. Была жива Пра. Через три дня я поеду за Женей, мы вдвоем будем спать здесь, уж который раз.

С Марусей пью чай дневной, в пять часов. Порываюсь идти к Алеше, но начинает смеркаться. Маруся говорит: «Куда ты? Поздно! Завтра пойдешь!» Малодушие? Деликатность – побыть с ней? Соглашаюсь. Сумерки падают сразу. Вокруг наших белых балконов с лестницами вспыхивают курортные фонари... Вокруг Максиной башни, его Атлантиды – гулянье курортников, наша постоянная боль. Вечер проходит с друзьями Маруси, в столовой, длинной комнате с этюдами Макса, с роялем, помнящим Скрябина⁴³, Рихтера.

На ночь мы крестим друг друга, мирно ложимся. Завтра рано, еще до завтрака я пойду – прежде всего к Алеше⁴⁴. Помолюсь с ним вместе о нашем Андрюше, старшем брате его, столько вынесшем, но все еще «в форме», моем сыне, как давно он не был здесь.

Может ли шаг в 76 быть – молодым? А он – молод. Ритмичен, упруг, ступни идут по знакомой земле, как шли в 16 и в 25 – и легкая грусть летит ко мне – буду тут с Женей идти медленно, ее, не своим шагом – я же ее люблю нежно, как никого, – почему не с ней мне идти так, как хочется, неудержимо – молодым шагом. «Ода» Маринина «пешему ходу», наша «цветаевская» страсть... Никого молодого вокруг – близкого, вся эта молодежь – чужая... Тут мы шли, в 18, 16, Марина и я, и Сережа, не шли – летели. В татарскую кофейню пить ситро или черный кофе, тратить избыток сил. Марины нет на свете уже 30 лет – и стихи ее 18-ти<летней> звучат во мне неудержимо, и я повторяю их по этой дороге, год за годом, спеша к Алеше, они живы волшебным, как я...

Где-то в горах огоньки,
Видно, душа над могилой,
Синие глазки милой
И до плечей завитки...

Облаком пар из пекарен,
Воздух удушлив и прян,
Где-то рокочет фонтан,
Что-то лопочет татарин...⁴⁵

Мост – позади. Редкие магазины. Поворот влево к горам, к Сюрю-Кая. Мостик дощатый. Год не видела его, абрис гор Алешиных, тихой ограды кладбища, лепящегося по холму. Я вхожу тропинкою меж могил татарских и русских, выжженная трава, репей, перекасти-поле... Вот ограда Волошиных. Черный крест Пра. Ее мать⁴⁶. Их друзья – давние и недавние. Палку и сумку

над шкафом висела икона в серебряном окладе. Подойдя к ней, Анастасия Ивановна стала вглядываться. «А это мне подарила Мария Степановна, – сказала маленькая Оля, дочь художницы Екатерины Никитичны Толстой. – Это икона св. Ольги, и она подарила мне ее в день моих именин». «А ты знаешь, когда твои именины?» – спросила Анастасия Ивановна. «24 июля», – ответила девочка». (Записано Г. Я. Никитиной и Г. К. Васильевым).

⁴³ ...с роялем, помнящим Скрябина... – Композитор А. Н. Скрябин никогда не бывал в Коктебеле. Легенда о его выступлениях в Доме Поэта пошла от М. С. Волошиной.

⁴⁴ ...я пойду – прежде всего к Алеше. Помолюсь с ним вместе о нашем Андрюше, старшем брате его... – Андрей Борисович Трухачев (1912–1993) – старший сын А. Цветаевой; в 1937 г. вместе с матерью был арестован и провел в заключении пять лет. Младший сын Алеша скончался в младенчестве – 18 июля 1917 г. в Коктебеле, где и похоронен.

⁴⁵ ...Где-то в горах огоньки... – Стихотворение М. Цветаевой «Детский юг» («В каждом случайном объятьи...») имеет подпись: *Гурзуф, Гецузская крепость, апрель 1911.*

⁴⁶ ...Ее мать... – Надежда Григорьевна Глазер (1823–1908) – бабушка М. А. Волошина.

о лавочку, покосившуюся. И на колени перед крестом Алеши. На горах и вокруг тишина... Лечь бы тут, рядом с маленьким сыном... Где лягу? Тут было бы *правильно* — лечь...

Дверь на большой белый балкон – распахнута. Синева, взрыв волн. Сентябрьский день коктельский – лето! Утро. Мы отпили чай.

– Ася, – говорит мне Маруся Волошина, – обрати внимание, ты его увидишь сегодня; на молодого поэта. Из Воронежа. Талантлив. И – *чистый!* Ты понимаешь, Ася, у меня на них всех уже не хватает сил. Устаю. Он, кажется, хотел быть в Москве. Покажи его там кому знаешь. Надо ему помочь. Он, должно быть, болел. Всё молчит. Нынче в мастерской будет лекция, профессор один прочтет доклад о трудностях современной науки. Я звала молодежь. Может, и он придет...

– Как зовут?

– Валерий. Фамилия – армянская. Да тебе Сережа покажет.

Сережа – художник⁴⁷. Высоченного роста. Киевлянин. Коктебельский завсегда, знаю его давно.

...Максина мастерская. Длинные полукруглые окна, два этажа, лестница. Книги. Профессор читает нечто невообразимо скучное. Маруся – внимательна (значит, что-то поняла, чего я – нет.) Под гигантской головой египетской царицы Таиах⁴⁸ сидит совершенно один – юноша. На диванчике, наклонив четкий профиль (над лбом густота черных волос) – и пишет. *Под* лекцию о науке! Почему-то мне почудилось что – *не* о ней – о своем, и воздушно невидимо протянулась моя дружеская рука к нему. (Правда, позже, от него же узнав, что он тогда писал стихи за минуту до того увиденной женщине, сидевшей напротив, было дрогнуло на минуту разочарование от его рассказа, протянутого к неприкосновенности мечты о какой-то *другой* теме под пером его, но вспомнив, что он *молод*, я внутренне ласково улыбнулась, тихонько о нем вздохнув.)

В тот же вечер художник Сережа представил его мне. Слова «сестра Марины Цветаевой» дрогнули в нем, видимо, чем-то особенным, потому что на меня поднялись карие большие глаза выражением трепета и пораженности, черные брови не то сдвинулись, не то разомкнулись, и в душевном, несветском поклоне, в робком и все же крепком рукопожатии вспыхнула мне – душа⁴⁹.

Вечер. Шум моря. Почти по его берегу идет дорога. Темно. Позади нас – Валерия и меня – сияние аляповатых курортных фонарей над площадкой ресторана дома Литфонда, оно гаснет под нашим шагом. Идем быстро, все глубже входя в синюю мглу вечера, о котором так точно сказал Байрон – *that clear obscure* – та светлая мгла... Мы идем к скульпторам. Скульпторы – муж и жена⁵⁰.

Она племянница Ариадны Николаевны Латри⁵¹. Когда-то мы с Мариной, сестрой моей, знали ее в старой Феодосии, в молодости. Она была крупна, голубоглаза, добра, восхищалась стихами Марины и пела прелестным голосом романсы, песни старины, русские и французские.

⁴⁷ ...*Сережа – художник*... – Сергей Гаврилович Пустовойт (1945–1992) – художник, писавший в мастерской М. Волошина. Известны его групповые портреты «коктельцев» и пейзажи Крыма.

⁴⁸ ...*царицы Таиах*... – Гипсовый слепок с древнеегипетской скульптуры Волошин привез из Парижа; он видел в ней сходство со своей первой женой М. В. Сабашниковой.

⁴⁹ ...*в робком и все же крепком рукопожатии вспыхнула мне – душа*... – Речь идет о Валерии Ивановиче Исаянце (род. 1945) – поэте и эссеисте. Анастасия Ивановна, высоко ценя его дарование, в тяжелые годы его болезни временами пыталась помогать ему.

⁵⁰ ...*Скульпторы – муж и жена*... – Скульптор-миниатюрист, график Ариадна Александровна Арндт (1906–1997) и ее муж – скульптор Анатолий Иванович Григорьев (1903–1986) были близки к кругу Волошина. В 1955–1956 гг. в Коктебеле построили дом с мастерской.

⁵¹ ...*Она племянница Ариадны Николаевны Латри*... – Ариадна Николаевна Латри (1876–1945) – певица, художник; жена живописца М. П. Латри, внука Айвазовского.

Мы не любили ее первого мужа, сухого художника, грека, усатого – и он не любил, что было редко в то время, нас.

Племянница – знакомая Маруси Волошиной – телом похожа на тетку, лицом – много красивей. 30 лет назад ей отрезало обе ноги у колен, она ходит героически на протезах. Что я могу рассказать о ней, наспех, Валерику? (Я мысленно назвала его уже так.) Это новый друг, его примело к моим, к цветаевским, берегам неким шквалом (слухи туманны) его биографии, меж нас – сдержанная ли —? Почти – нет, потому что радостная, а радость – как утаить? – нежность! Я сказала то малое, что знаю: бодрая страдальца верит в перевоплощения⁵² (я – не верю, Евангелие нас – торопит... не знаем ни дня, ни часа – и в погибель широк путь). Но разве я могу говорить об этом с этим черноголовым цветком, молящимся на Поэзию, заволакивать сомненьями эти карие, рвущиеся к людям, глаза?

Еще – что оба они, преданный ее муж, талантливый скульптор – сыроеды. Не признают огня (я же – огнепоклонница). Рвущиеся к людям? Давно ли?

Резко вправо от моря, путь вверх – и вот уже сыроедческая калитка.

Почему, входя в темный сад, я вдруг вспоминаю, что спутник мой – из Воронежа? Потому что в Воронеже я была в 18 лет, с первым мужем, *уже* несчастная, хотя год до того это еще была любовь. Два же года назад – поэма «только утро любви хорошо...» Да, должно быть – поэтому и вспоминаю. Вместо сторожевого пса нас встречает лев необычного очертания, еще что-то каменное, полурожденное, и уже кувырывается в луче света у грубой каменной, необычного вида террасы, кошка, пестрая, темная – припадочная нежность ее к хозяевам равна только их нежности к ней.

Нестерпимое для реальной жизни предвиденье чувств, Маринино и мое, всегда делало нас в глазах еще не проснувшихся спутников – странными. От этого – легкий озноб. Раз навсегда задержанная в углах губ – улыбка, – и чувство, что ты совсем один – на каком корабле – не понять...

Между мною и Валерием – столетия. (Отчего же он так – в этом же *мне* нет сомненья – *нежен* ко мне?) Ангела послала судьба? Но уже нас встретили. На словно из скалы вырубленной террасе за простым длинным столом – несколько человек. Маленький, с добрым лицом, с крепким рукопожатьем (скульптор!) хозяин всматривается в нас, входящих из тьмы – со всем вниманьем человека, знающего, что мы уже жили *до* этой жизни (кем были?), еще будем жить (кем станем?). А в моей душе, знающей *единственность* жизни, не еще ли драгоценнее встречи с людьми, *раз* здесь бывающими... Рассаживаемся – кто куда, в полумгле; свет только над столом. Над россыпью (собственного!) винограда. Валерий сел далеко от меня... вправо. Я – близ хозяйки, улыбочивой. (От дали его ко мне – боль. Знакомая с юности. Старость не помогает ни в чем! Когда начинаю любить человека, я чувствую себя Мариной. Точно она жива, и во мне...)

Пестрая кошка замерла на плече хозяина (сейчас *это* припадок *ласки*). Все готовятся слушать. На скамье рядом с Валерием – люди; кто – не вижу по близорукости. Голос его поднимается в ночь мягко, юношески, но в нем – чары. Слушаю всем существом, ибо – не все, но иные стихи хороши, и потому что, заколдовывая наш слух, он расколдовывает нам в руки – душу, нитью – клубок...

Голубь

Кто б ты ни есть, – исполать,
С чьих бы ни пущенный рук,

⁵² ...*бодрая страдальца верит в перевоплощения*... – А. А. Арендт была последовательницей индийского философа Кришнамурти и разделяла взгляды индуизма о реинкарнации.

Голубь, слетевший узнать,
Что происходит вокруг.

Счастливый тем, что ничей,
Кличет ручей стороной
Переселенье очей
В мартовский воздух речной.

Домик слетает с крыльца
Склоном, в бурьяне витом,
В самозабвенье слепца
Бьется зеленым крылом.

Каменной кладки белки
Смотрят забором на юг,
Превозмогая тоски
И голошенья испуг.

Кто б ты ни есть, – исполать,
В чьем бы ни снившийся сне, —
Голубь, слетевший узнать,
Что происходит во мне.

Пролетка

На самолете путь короткий.
В экспрессе свет и благодать.
Но я мечтал достать пролетку!
Но я мечтал достать пролетку...
.....
И вдруг – однажды в Ереване —
Из-за угла – удар под дых —
Мечты и мистики на грани
Упряжка с парюю гнедых!

Шагали баснословно гордо
Два струнноногих рысака,
И тот, который с белой мордой,
Мне поклонился свысока...
.....
На самолете путь короткий,
В экспрессе свет и благодать.
Но я мечтал достать пролетку!
Но я мечтал достать пролетку,
Пролетку я мечтал достать...⁵³

⁵³ ...Но я мечтал достать пролетку... – Перифраза стихотворения Б. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!..»,

Но над пещерой-терраской – черной крышей незаметно – опрокинулась южная ночь, и я вдруг вспоминаю панически ясно: в восемь часов ко мне придет на дачу Волошина моя молодая сожительница по московской квартире Ася – я обещала показать ей Максину мастерскую, Таиах и вид на окрестности с кровли – горы и звезды, поселок и морской берег – а я сижу тут... Вихрем поднимаюсь, еле успеваю – рукопожатия, и уже несусь вниз по горной дороге, смело прыгая в полутьме по неровностям, увлекаемая возрастающим бегом, растущим морским шумом. А за мной – вдруг поняла, должно быть, пытаюсь меня оберечь от падения – бег в 76 лет!.. – летящий легкий шаг, догоняющий: Валерик!

– Не бегите, – кричу я, – зачем? Мне – не надо, не упаду! Она же может прийти? без меня, я же не прошу себе... – И уже – круто, потому что конец улицы, на бегу заворачиваю к морю, в его полный широкий шум... Господи! Легкость – будто 16! Заставляю себя перестать. Иду – и отдышиваюсь. Черно. Справа – утихающее о свою же даль море. Впереди – курортные фонари.

Ася опоздала, и я успела побыть с Марусей, выпросить у нее фонарик, чтобы было чем осветить верх мастерской. Мы поужинали, и только тогда к нам постучали, и веселое, полное ожидания личико Аси заглянуло в для нее новое святилище живописи и поэзии. Мы постояли у Таиах, матери Эхнатона, свекрови Нефертити, чья головка населяет квартиры Москвы, – Таиах одна! Вот она, ее не глаза – очи, ее улыбка таинственнее Джокондовой... Я рассказала о ней.

Мы поднялись по лестнице мимо Максовых голов кистью футуристов, других «истов», Диего Риверы⁵⁴ и проходим в задний, за закрытой стеной, будто потайной кабинет – книги, книги... Сухие травы в керамических вазах. Портреты. Маски⁵⁵: Гоголь, Пушкин, Достоевский, Гомер⁵⁶, еще кто-то – луч фонарика, тая, не воскрешает черты, сливается с тьмой потолка...

В ветре молодости Асиной, две Аси, молодая и старая, выходим мы на Максов балкон, в ночь, в воздух, в море... И, круто вверх еще по одной лесенке – выше еще, высоко над Коктебелем спереди – в невероятной живописности и красе – очертания гор, сбрызнутых земными огоньками поселка, дожитенной мощью моря, гулко сзади уходящего в незримую даль, в холод... А над нами мириады звезд, млечный путь, и голова кружится, как кружилась под этим же небом 60 лет назад, в 16...

Когда мы уговорились – не помню. Я должна утром зайти за Валерием, он живет в первом доме от входа на участок Литфонда – и пойдем на кладбище к Алеше!

Но ранее, чем я собралась идти – к нам по лестнице легко поднялся – пружинистым юношеским шагом Валерий. Душа распахнулась навстречу его счастливой улыбке. Господи, за что мне послан в мою жизнь – ангел? *Как* хочу скорее его подарить моей Жене! Кажется, и это не помнится – что-то мельком сказал он вчера, что какая-то женщина, киевлянка, собирается в Старый Крым и просила его ехать с нею, помочь ей в каком-то деле... Вместе поедет? Как чудно...

И вот мы идем по дороге в поселок, полжизни назад мы это звали «деревня». Широкими плитами мимо низеньких кипарисов, узким тротуаром – влево и по доскам мостика – к подъему на кладбище. Сухими травами, лишайниками... скрипом шагов будя тишину... Синева,

где есть строки: «Достать пролетку. За шесть гривен / Чрез благовест, чрез клик колес / Перенестись туда, где ливень / Еще шумней чернил и слез».

⁵⁴ ...кистью футуристов, других «истов», Диего Ривера... – В Доме Поэта хранятся два портрета Волошина работы выдающегося мексиканского художника-монументалиста Диего Ривера (1886–1957). Написаны в Париже в 1916 г. в кубистической манере.

⁵⁵ ...Сухие травы в керамических вазах. Портреты. Маски... – Подробнее о мемориальных вещах Дома Поэта см. очерк «Макс в вещах» в книге воспоминаний М. С. Володиной «О Максе, о Коктебеле, о себе» (Феодосия; М., 2003. С. 80–147).

⁵⁶ ...Гомер... – Гипсовый слепок головы Гомера Волошин привез из Парижа.

бархат горных теней... Большой крестик Алешин... Валерий мог бы быть его сыном: 55 лет, 26...

После утра 25-го у *Алеши*.

Втроем – знакомая Валерия, попросившая сопровождать ее в Старый Крым, Валерий и я идем берегом к автобусу чьей-то базы, едущему в Старый Крым. Я счастлива – я везу Жене – *такой* подарок! Поэта (поэту, ей!), чудного юношу, ласкового и светлого как ангел, светлого в *такой* темноте оперения – бровей, глаз и волос! (Черпаю из будущего доказательство чужим глазом и словом: полгода спустя писавшая его художница⁵⁷: «Черты его очень резки – и в то же время – нежны, это очень затрудняет писать его...») Я применю это определение к себе, и в тени его мне будет привольней, благословенней – пытаться рассказать об этой вошедшей в сердце душе. Но, должно быть, в тени светлой этой души я ехала все километры Коктебель – Старый Крым, потому что не помню – ни холмов, ни дорог, ни нашей – мешавшей, конечно, мне, нашей спутницы, вовлекавшей его в некое дело, имевшее быть в Старом Крыму, дело спорное, сомнительное, но казавшееся сперва – и хорошим. (Мы с Женей, только опомнясь, оставшись вдвоем, поняли, что религиозность этой выдумки – сомнительна, и – сколько было сил в нас – воспротивились ей.) Но в тот день я видела только что-то фальшивое в лице едущей с нами женщины, но в свете души Валерика был радостен путь вместе – и к Жене едем! Мы молча улыбались друг другу, мне было нисколько лет...

Наша спутница рассталась с нами при самом въезде в Старый Крым, у автобусной станции. Мы летели к Жене – почти наугад, рискуя ошибкой в выборе улиц, радуясь и смеясь, как дети. И вот уже узанный угол – дом, сад, *наша* калитка, где я прожила у Жени шесть дней у ее прелестной шестидесятилетней хозяйки Лизы⁵⁸, красивой и умной, любящей кошек и книги, полюбившей Женю, меня – сейчас вместе с Женей полюбит Валерика! Он нам будет читать стихи... В новом волшебстве, подаренном Жизнью – за что? ни за что, как Подарок! (или за долгую тоску приблизительных дружб – такое вдруг озарение – юность и нежность, поэтический дар, счастье бессловесного понимания, страсти к слову, к цветаевскому, поклоненья Марине, восхищенное одобрение моей прозы (66 год, «Новый Мир»)⁵⁹ – с сыном? мало! с – внуком? по возрасту – так, но совсем непохоже... – с Братом, сияющим вот уже третий день. Врываюсь в сад к Лизе и Жене, к водовороту кошек, к лающему танцу цепной Наки – и по ступенькам крыльца в низенький бедненький коридорчик – окнами в сливы и яблоки, к чайному, кизилловому, ореховому, хлеб, масло, сыр, яблоки, доброму их столу – и уж не двое нас, а четверо (люди), шестеро (зверье) – семеро – я забыла Жука, сына Наки (радостно валит с ног) и, может быть, придет наш Андрей⁶⁰, еще ангел, синеглазый, Божий, старше Валерика.

В этом маленьком раю мы прожили до ночи. Андрей не пришел, остался в «Светлом Проекте», мы их подарим друг другу – Андрей ведь тоже Поэт, и какой! Философский, волшебный. Мы устроили Валерика ночевать у внезапно зашедшего чудачка и немножко озорника Виталика⁶¹, Жениного названного внука, у его бабушки, в ореховом и виноградном саду на пути от нас к автостанции.

И ложимся спать в белой Лизиной комнатке, в саду – ветер, лай, в окна прыгают кошки – Тимур (Женин) и Лизины Рыжка, песчаная Пуська, голубиная Димка и пепельная, дичится, Марья. На полу (потому что Женя замерзла) согрелась, малиново накалась встающей луной, плитка, и, засыпая, мы хвалим Валерика, бредим их будущей дружбой с Андреем, а ветер всё

⁵⁷ ...писавшая его художница... – Ирина Владимировна Бржеская (1909–1990) – художник-портретист; близкий друг А. Цветаевой (сохранилось более 200 ее писем к А. Цветаевой).

⁵⁸ ...шестидесятилетней хозяйки Лизы... – Елизавета Петровна Калинина – жительница Старого Крыма, в доме которой в 1971 г. отдыхали Е. Кунина и А. Цветаева.

⁵⁹ ...восхищенное одобрение моей прозы (66 год, «Новый Мир»)... – А. Цветаева. Из прошлого // Новый мир. 1966. № 1, 2.

⁶⁰ ...придет наш Андрей... – Андрей Львович Борозин (1939–2016) – литератор, поэт. Крестник Е. Куниной.

⁶¹ ...озорника Виталика... – Виталий Лёзов – уроженец Старого Крыма. «Названный внук» Е. Куниной.

качает и рвет ветви сада, – и далек шум коктебельского моря, куда мы тотчас же поедem, как только сходим завтра (память, год со смерти жены Александра Грина⁶²) на кладбище, где помолимся у совсем свежей могилы друга, Поэта, Григория Николаевича Петникова⁶³, на другой день в Воздвиженье, 27-го, побываем в Феодосии, в церкви – мне в этот день минет 77 лет...

Димка мягко вонзает лапы в мой голубой свитер, Женя, кажется, спит...

На другой день ждем Валерика, я жарко готовлю обед, радуюсь, что всех накормлю, стараюсь час, два, скоро три. Никого.

И внезапно, спешно, Валерик: он с утра гулял с той спутницей нашей, были далеко, в лесу, а сейчас она прислала его сказать, что они идут в ресторан – обедать, чтобы не ждали его...

Перекрестный взгляд: Женя, я. Моя рука замерла над кастрюлей с готовым борщом, мы ходили купить сметану, поджаренная картошка благоухает горой на сковороде... Слова замерли на губах, было начав с: «А мы тут...»

Но юноша, улыбаясь, откланивается, его очи не видят плодов земных, его ждут, он спешит, – он придет за нами после обеда, с нашей спутницей, вместе идти на могилы. Дверь закрыта. Яростный лай. Легкий прыжок с крыльца.

Грустно, хоть вкусно поев, мы легли уснуть. Было и четыре, и пять – никого. А когда, наконец, снова в наш дом вошел к нам Валерик, а за ним – дама... (Ох, эти дамы! Но не они ли вдохновляют поэтов – в ресторанах, в лесах и в горах – и ведь имена посвящений в его стихах суть – реальность...) Но, увы, Женя, прождав, устав, уже не может идти на кладбище, куда *так* хотела к Нине Николаевне Грин, ею любимой, и мы идем туда без нее. Мне смутно на сердце, но я несу цветы Григорию Николаевичу Петникову, и Валерик помогает мне положить их ему и помогает спутнице украсить могилу Нины Николаевны...

Мы заходим на могилу Александра Грина, над ней треплется в ветре алый лоскут – кто-то повесил в память его Парусов... На стоячем памятнике – в овале его лицо – суровое, длинное, с печальным тяжелым взглядом. Я его видела раз, в Москве, стоял с Дмитрием Ивановичем Шепеленко⁶⁴ на улице, очень давно... Очень похож!

Мы всходим на холм, где молодежью из больших камней сложен самодельный, горой, памятник Грину. Ветер. Дали уже потемнели, поблекли. Панорама на городок и окрестности. Вздох: *ее* видел (что ляжет на этом кладбище) мой Борис много десятилетий назад, в предсмертном прозрении. Мы горюем и негодуем о том, что верную жену Грина по клевете не разрешили похоронить рядом с ним⁶⁵, между ним и ее родной матерью – в нескольких саженьях. И молчу о той горечи, что *следа* нет меж могил – Борисовой. Как Марина! Исчезли. Как провидчески предсказала она о себе, как задолго до смерти! И неутешно оплакав Бориса, так нежно любимого ею:

...Исчезнуть. Не оставив праху
На урну...⁶⁶

⁶² ...год со смерти жены Александра Грина... – Нина Николаевна Грин (1894–1970) – вторая жена писателя Александра Грина.

⁶³ ...Поэта, Григория Николаевича Петникова... – Григорий Николаевич Петников (1894–1971) – поэт-футурист, переводчик. Скончался в Старом Крыму 11 мая 1971 г., похоронен рядом с могилой А. С. Грина.

⁶⁴ ...стоял с Дмитрием Ивановичем Шепеленко... – Дмитрий Иванович Шепеленко (1897–1972) – писатель. Приятельствовал с А. Грином, написал о нем воспоминания, частично опубликованные в сб. «Феодосия, мой древний град» (Феодосия; 1997).

⁶⁵ ...верную жену Грина по клевете не разрешили похоронить рядом с ним... – Нину Николаевну Грин, оклеветанную в пособничестве оккупантам, власти не разрешили похоронить в семейной ограде. Осенью 1971 г. ее тайно перезахоронили вблизи могилы мужа.

⁶⁶ ...Исчезнуть. Не оставив праху На урну... – Неточная цитата из стихотворения М. Цветаевой «Прокрасться» (1923):

Сойдя с холма, спешим – южные сумерки. Женя ждет. Уют вечера. Дама ушла. Валерик, Виталик с нами. И Лиза. И кошки. Ужин...

А наутро спешим на автобус феодосийский, еле поспеваем. Валерик ласков, заботлив, нежен. Его ангельское лицо с демонски-черными волосами, густыми, как ночь, наклоняется к Жене, ко мне с небесно-сыновней грацией.

Воздвиженье. Высокие своды. Хор. Солнечный луч косо пал вниз, зажигая угол иконы. Жду вынос креста – приложиться и увидеть о. Макария⁶⁷, ездившего со мной к Григорию Николаевичу Петникову год назад. Женя с Валериком стоят поодаль, тихо. Женя кротко, добро. Валерик —? Отчужденность, настороженность. Но – уважение... Мрачное. Дышит чужим воздухом? Вздох. У каждого своя дорога...

На обратном пути говорим о скорбной картине могилы Григория Николаевича, женой еще не приведенной в порядок, когда-то еще – памятник! Но – без надписи. Ничья! Могила – Поэта!⁶⁸

Сохранив время, мы взяли такси из Феодосии в Старый Крым. Сидим втроем, тесно и дружно. Фон окна – летящее небо, череда холмов обводят собою профиль Валерика, богоданного сына, брата – что помогут названия? Этот подарок Жизни покрывает собой годы, десятилетия труда, разочарованной усталости.

Под моим топчаном в старокрымской Жениной комнате на дно уложена книга восточного поэта⁶⁹, подарок Валерика. На ней надпись: «Любимой Анастасии Ивановне в день ее рождения. 27 сент. 1971 года. Валерий Исаянц».

Наш последний вечер в Старом Крыму. Сегодня он ночует у нас во входной узкой террасе с окном в сад, и мы с Женей покрываем его шальями и пальто – сверх нетолстого одеяла и кофтами, чтоб не мерз. От его прекрасных – и красивых черт трудно отвести взгляд. Но улыбка еще краше. Где он был до сих пор? И как он мог жить без нас? Молчаливый восторг его, тепло пожатия и улыбка говорят, что он и не жил до сих пор, мучался...

Лизе, Жениной хозяйке, как и нам – понимает! – по душе пришлось стихи, которые он прочел нам вечером:

На празднике оленей

Душа и шапка – набекрень,
Ликует сердце сгоряча,
И – только легкий бег оленей
Да взгляд якутки невзначай!
Лети!
Ведь светел глаз якутки,
И ветер пламенный и жуткий, —
Всю жизнь твою стремится попутно
К полоске неба изумрудной.

«Распасться, не оставив праха / На урну...»

⁶⁷ ...увидеть о. Макария... – Отец Макарий – священник феодосийского православного храма. Духовный отец Г. Петникова.

⁶⁸ ...Ничья! Могила – Поэта!.. – Свое впечатление от неухоженной могилы А. Цветаева высказала в письме к его вдове Екатерине Кузминичне Петниковой от 17 октября 1972 г. В ответ та поясняла, что еще не успела сделать все, что нужно в таких случаях.

⁶⁹ ...книга восточного поэта... – Автор книги «Лирика» (М., 1969) – индийский поэт *Мирза Галиб* (1797–1869).

Собаки рыцарских кровей
Сопровождают бег саней.
В сторонке сопка, и за ней —
Щемящий крен на повороте.
(Бежит Дубищев в стороне,
Кричит вдогонку: «Упадете!»)

Но ты, упряжка жизни, круто
Свернешь, уже не чая грунта,
Скосишься, падаешь как будто, —
И снова бег твой устремлен,
Полет вне прений и времен!

И еще он читал нам стихи странные, смутные, посвященные балерине:

Движеньями нежной вуали,
Под паутиной пелерин
На сцену грации вступали
И Вакха за руку вели...

И бес перстом повел едва, —
И – свет! Томительнее мака,
Где над сливовой рампой мрака
Софит карманный божества!

В него – всеведующим жженьем,
Моим безумьем до черты,
Мольбой, тоской, слезой, спряженьем
Глагола «жить» явилась ты...

Я засыпаю, окутанная его ритмами. Это я запомнила наизусть. Он читал эти стихи и в мастерской Макса, и, по моей просьбе, у Арендт (он сказал – это плохие стихи, но добро согласился прочесть, против воли). Засыпаю – и повторяю: «Мольбой, тоской, слезой, спряженьем / Глагола «жить» явилась ты...»

Но я еще успеваю подумать: «Вот в этом и состоит трагедия? Что – ранее?» И ответить себе в полусон: – Нет, не так. Я еще была совсем молода, когда себя связала обетом...»⁷⁰

Ночь, сон, сны. Тонко, длинно, как паутина. Сумраки, непознанность, непознаваемость. Неназываемость. Просыпаюсь в чью-то Радость, – в Нежность, в ощущение Зова:

Что б ты ни есть – исполать,
В чьем бы ни сившийся сне, —
Голубь, слетевший узнать,
Что происходит во мне...

Стихи эти были написаны кому – я не знаю, посвящены Валерием – мне⁷¹.

⁷⁰ ...Я еще была совсем молода, когда себя связала обетом... – Обет целомудрия, вегетарианства и отказа от лжи был принят Анастасией Ивановной в 1922 г. под влиянием Бориса Михайловича Зубакина (1894–1938) – основателя и руководителя последней ложи розенкрейцеров в Москве.

⁷¹ ...Стихи эти... посвящены Валерием – мне... – Тогда же Валерий подарил Анастасии Ивановне стихи, написанные для

...За вон тем холмом – сейчас! Душой Коктебеля три горы... Поворот, Максов дом. Под руку с Валериком Женя идет медленно, я легко взбегаю по лесенке, веющей нашей с Мариной юностью, знакомой, как родной дом. Я была молода. Я – старуха! Но я та же, *та же*, как тогда. Стою миг, пораженная этим. Молодость? Старость? Шум Жизни, как морской шум, обнимет душу человека, и сердце бьется, как когда ты родился и рос. И растет в шум прибоя...

Мы идем в Лягушачью бухту⁷². Женя не пошла, далеко. Валерик и я. Он радостен, что я иду легко, быстро, он таких старух не видал? Смеюсь я тоже! Но мне 77 лет! Но я почти прыгаю по камням! Только раза два, три за весь долгий извилистый путь он, обернувшись, подает мне руку – не *под* руку, нет! как более слабому товарищу – пальцы в пальцы.

Справа – горы, скользим мимо них по тропинке. Не забыть этот куст, янтарь и пурпур, и червонное золото – на крутом спуске над морем! Оно – слева – близко, то – глубоко внизу – так взлетает и слетает тропинка. Горизонт – пропал. Безмятежнее синева слившихся моря и неба. Идем, идем и идем. Грань меж возрастами – где она? Безмятежно понимание и молчание. Наконец Лягушачья бухта! Далеко от всего, и во всей округлости ее раковины всего несколько человек. Тишина. На камнях крупных и мелких – рушатся под ногой (идем), шелестят и шуршат почти лесным звуком – под рукой – *щцем* камни с двумя лягушачьими глазами, откуда и имя бухты, перекидываемся словами, протягиваем друг другу – камень. Эти подарки бережно откладывает рука...

Он встает: купаться! Улыбается, стоит во весь рост, я лежу, смотрю снизу. Хорош! Создает же – Природа? – такое! *Не* понимаю в телесном мужском (женщину – понимаю!), но – хорош! Глаз – любитесь. Какая у него мать? Какая женщина родила такого? Сбросил рубашку, майку (как просто раздеться – мужчине! Трудно – женщине!). Всплеск – море приняло тело! Мерное рассеканье волн. Черная голова вознесена над зеленоватой синевой, каждое движение тела плавно рождает пену. Я *чувствую* прохладу, его обнявшую. Повторяю строки стихов, им читанных. Тихо. Люди – ушли? Бухта тиха. Только всплеск, им рожденный. Я, кажется, счастлива сейчас?

нее, с посвящением: «Любимой Анастасии Ивановне посвящаю в день ее рождения»: // «Господи, Господи, / Если ты есть, / Если ты есть, / Услышь мою песнь. / Да святится имя Твое – к Тебе. / Оставь для меня свою месть. / В ней не хвала, не лесть. / И пощади её. / Только склоненный в мольбе Ваш Валерий Исаевич, 27 сентября 1971 г. Старый Крым».

⁷² ...Мы идем в Лягушачью бухту... – Одна из бухт заповедника Карадаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.